

Два лица Льва Друскина

Секретариат правления Ленинградской организации Союза писателей РСФСР принял решение об исключении поэта Льва Друскина из Союза писателей. Мы, члены бюро поэтической секции, одобряем и поддерживаем это справедливое решение.

Л. Друскин был принят в члены нашего творческого союза в 1964 году. При этом было учтено, что на его долю выпала нелегкая судьба: с детства он прикован к постели. На протяжении многих лет для Л. Друскина делали все возможное, чтобы он жил полноценной жизнью. К нему специально прикрепляли педагогов, которые помогали получить сначала среднее, а потом и высшее образование. Государство безвозмездно выделило в его личное пользование киноустановку. Ежегодно он получал возможность совершать творческие поездки по стране, оплачиваемые Союзом писателей. Разумеется, ему была назначена пенсия.

С помощью старших товарищей Л. Друскин стал заниматься переводами. Выходили и книжки его стихов. Никто из нас не переоценивал их достоинств и значения. Однако, испытывая естественное в таких случаях чисто человеческое сочувствие, редакторы журналов, издатели старались оказать Л. Друскину всемерную поддержку.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Л. Друскину была увеличена пенсия. Впоследствии Союз писателей предоставил ему дачу на Карельском перешейке, в Комарове, удобную квартиру в Ленинграде, увеличил размеры единовременных пособий за счет Литфонда.

Л. Друскин — это мы от него не раз слышали, — признавался, что не находит слов, чтобы отблагодарить за душевную заботу о нем и его семье как руководителей творческого союза, так и товарищей по секции. Выступая, например, на заседании правления Ленинградской писательской организации, он, в частности, говорил: «Мне, конечно, трудноато работать, но меня окружают друзья, настоящие друзья, которые помогают мне жить и работать... Я очень благодарен всем друзьям и товарищам, рекомендовавшим меня в члены союза, помогавшим мне, бывающим у меня». С благодарностью отзывался он о крупнейшем нашем поэте А. Прокофьеве, который не только помог ему издать первую книгу стихов, но и написал к ней предисловие.

Тогда мы еще не знали, что Л. Друскин ведет двойную жизнь. Один Друскин отправлял свои стихи в советские издательства, обращался за помощью к видным советским литераторам,

добивался увеличения объема и тиража своих книг. А другой Друскин тем временем различными незаконными путями получал из-за рубежа десятки изданий, наполненных ядом антисоветизма, распространял их среди знакомых. Один Друскин публиковал в наших журналах патристические стихотворные строчки, а другой — писал «книгу», претенциозно озаглавленную «Как перед богом», на каждой странице которой — гнусные измышления о нашем государстве, о советской литературе, о многих ленинградских писателях.

Да, на людях Л. Друскин говорил одно, а, оставшись наедине, в «книге» писал иное. Он не постеснялся вылить ушат грязи на А. Прокофьева. Той же монетой отплатил он за участие и заботу и своим товарищам — теперь уже бывшим товарищам — по поэтической секции.

Известный поэт Сергей Орлов несколько лет назад пришел к Л. Друскину, чтобы вместе с ним отобрать стихи для журнала «Нева». Л. Друскин тогда расточал ему слова благодарности, а на страницах своей рукописи, осквернив память о поэте-патриоте, допустил оскорбительные выпады в его адрес. Особенно кощунственно звучат измышления Л. Друскина о тех литераторах, кто

в годы войны сражался против фашизма, защищал свою Родину. «Спекуляция войной — до анекдота», — у Л. Друскина не дрогнула рука написать эти слова о Юлии Друниной, фронтовой медсестре, в полной мере познавшей всю тяжесть, все ужасы войны.

Друскин не обошел клеветой в своих записках ни М. Дудина, ни Д. Гранина, ни Ю. Рытхэу, ни тех наших товарищей, кого уже нет с нами. И вот что обращает на себя внимание: особенно старательно Л. Друскин клеветает на тех, кто больше всего принимал участие в его судьбе. Ложь, сплетни, грязный вымысел — все пошло в ход, все пригодилось.

Мы не стали бы писать об этих упражнениях Л. Друскина, если бы в его «труде» не просматривалась вполне определенная цель — подлить масла в тот огонь антисоветизма, который изо всех сил раздувают наши идейные враги. Штудирование антисоветских книжек не прошло для Друскина даром, и в своей рукописи он стремится ни в чем не отстать от своих учителей — антисоветчиков Запада.

Однако — и мы хотим подчеркнуть это — Л. Друскин преступил не только нормы человеческой порядочности, он нарушил и законы нашей страны. Допуская кле-

ветнические высказывания в адрес политики нашего государства, создав на своей квартире целую библиотеку антисоветской литературы, распространяя антисоветские сочинения, он тем самым активно проповедовал идеи, враждебные нашему обществу.

Наше общество гуманно. Хотя действия Л. Друскина подпадают под определенные статьи уголовного кодекса, решено было, учитывая его инвалидность, не привлекать его к уголовной ответственности.

Но есть другой суд — суд совести. Теперь, когда мы знаем о двойной жизни этого человека, когда его моральный облик раскрылся во всей неприглядности, когда своей «деятельностью» Л. Друскин поставил себя вне наших рядов, мы заявляем о полной поддержке решения исключить его из Союза писателей СССР и просим редакцию опубликовать это письмо.

По всей вероятности, за рубежом найдутся люди, которые поспешат создать вокруг Л. Друскина ореол трагика. Но что бы ни говорили эти люди, двуличие всегда остается двуличием, в какие бы одежды оно ни рядилось, элементарная непорядочность всегда остается элементарной непорядочностью.

С. БОТВИННИК, В. КУЗНЕЦОВ, С. ДАВЫДОВ, Р. ХАЛИД, А. КРАСНОВ, Б. КЕЖУН, С. МОЛВА, О. ЦАКУНОВ, члены Бюро секции поэзии Ленинградской организации Союза писателей РСФСР